

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2022.04.07

Г.А. Филатов

ИСПАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА КОЛОНИЙ В XX в.¹

Аннотация. Колониальный аспект отношений между Испанией и Россией обычно оставался на периферии внимания исследователей. Тем не менее на протяжении XX в. пути обеих стран в этой сфере пересекались. Приобретение новых земель Испанией происходило при активном участии еще Российской империи. Санкт-Петербург внимательно следил за конференцией в Альхесирасе в 1906 г., в результате которой Мадрид получил права на часть Марокко. После Второй мировой войны франкистская Испания, несмотря на начало процесса деколонизации, пыталась укрепиться в своих немногочисленных владениях: Северное Марокко, Сахара, Ифни, Гвинея. Этому способствовали и взятая Мадридом на вооружение политика экономической самодостаточности – автаркии, и идеологические аспекты. С одной стороны, колонии оставались символом испанского престижа. С другой стороны, метрополия старалась за счет своих заморских владений компенсировать торговые ограничения, с которыми она столкнулась в 1940-х и 1950-х годах. Они были вызваны сначала глобальным конфликтом, а после его окончания международной изоляцией, в которой оказалась Испания, как страна, имевшая тесные отношения с государствами Оси. Советский Союз, верный своим принципам, традиционно выступал за освобождение угнетенных народов и активно способствовал развитию процесса деколонизации. Испания не могла этому противостоять и постепенно освобождала свои владения. Вместе с тем вопрос деколонизации представлял и точки сближения для Москвы и Мадрида. Так, Советский Союз с 1967 г. стал поддерживать резолюции, требующие деколонизировать Гибралтар – небольшой полуостров на юге Пиренейского полуострова, находящийся под властью Великобритании.

Ключевые слова: Испания; СССР; Россия; колонии; Гибралтар; Марокко; протекторат; франкизм.

**Филатов Георгий Андреевич – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИВИ РАН, доцент ИГСУ РАНХиГС.
Россия, Москва.
E-mail.ru: georgefilatov@gmail.com**

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00482). The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation under project № 20-18-00482.

Filatov G.A. Spanish-Soviet relations and the problem of colonies in the 20th century

***Abstract.** The Spanish-Russian relations in the 20th century had a colonial dimension, which remains understudied. Spain acquired new lands with the active participation of the Russian Empire. St. Petersburg closely followed the conference in Algeciras in 1906, that gave Madrid rights to claim a part of Morocco. After the Second World War, Francoist Spain, despite the beginning of decolonization, tried to gain a foothold in its few possessions, namely Northern Morocco, Sahara, Ifni, Guinea. This process was facilitated both by Madrid's policy of economic self-sufficiency and ideology. The metropolis tried to compensate for the trade restrictions that it faced in the 1940s and 1950s at the expense of its overseas possessions. They were caused first by global conflicts and later by the international isolation in which Spain found itself as a country that had close relations with the Axis states. The colonies remained a symbol of Spanish prestige. The Soviet Union, true to its principles, advocated the liberation of the oppressed peoples and actively contributed to decolonization. At the same time, decolonization provided points of convergence for Moscow and Madrid. Thus, since 1967, the Soviet Union began to support UN resolutions demanding the decolonization of Gibraltar, a British Overseas Territory.*

***Keywords:** Spain; USSR; Russia; colonies; Gibraltar; Morocco; protectorate; Francoism.*

**Filatov Georgy Andreevich – Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher at IVI RAS, Associate Professor at IGSU RANEPА.
Russia, Moscow.
E-mail.ru: georgefilatov@gmail.com**

На протяжении всего франкистского периода Испания и Советский Союз официально объявляли друг друга символами всего того, против чего они боролись. Несмотря на это, со второй половины 1950-х годов между странами начали налаживаться отношения, в первую очередь в области культуры и торговли. В 1970-е годы происходили даже контакты по политическим вопросам, связанным с проведением Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Еще в одной сфере Мадрид и Москва если не контактировали напрямую, то имели точки соприкосновения: таковой стала деколонизация. Стороны, казалось, находились по разные стороны баррикад. СССР традиционно поддерживал борьбу за освобождение угнетенных народов, а Испания, владея пусть и небольшими колониями, старалась этот процесс затормозить. Несмотря на разницу во взглядах, в некоторых вопросах позиции стран сближались: например по ситуации вокруг Гибралтара.

Хотя проблема испано-советских отношений рассматривается рядом российских и испанских ученых [Грозная 2004, Сагомоян 2004, Чечкин 2009, Филатов 2018, Shneidman 1980, Centenera Ulecia 2013, Garrido Caballero 2006,

Suarez Fernandez 1986, Pereira Castañares 1993], пересечение интересов Мадрида и Москвы в колониальной сфере ими не затрагивается. Этот вопрос упоминается косвенно, в основном в связи с Гибралтаром [Filatov 2016; Yányshev-Nésterova 2021]. Данная статья направлена на восполнение этой лакуны. При ее подготовке были использованы материалы из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ): документы Международного отдела ЦК (Ф. 5 Аппарат ЦК КПСС) и протоколы заседаний Политбюро и Президиума ЦК (Ф. 3). Также в статье приводятся материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), связанные с приобретением Испанией колоний в Африке (в частности, Ф. 1622 Витте, гр. Сергей Юльевич (1849–1915). Испанский взгляд на события представлен с помощью документов из секретариата Франсиско Франко, хранящихся в архиве Национального фонда Франсиско Франко (Archivo de Fundación Nacional Francisco Franco – AFNFF).

К началу XX в. Испания потеряла все свои владения, которые она получила в результате экспансии XVI в. Последние из них были утрачены в ходе Американско-испанской войны 1898 г. Тем не менее у Испании сохранялся ряд территорий, которые она смогла приобрести и начать осваивать во второй половине XIX в. в ходе новой волны европейской колониальной экспансии. В результате к моменту установления власти Франсиско Франко Испания контролировала земли в разных частях Африки: Испанское Марокко, Испанская Сахара, Ифни и Испанская Гвинея. Эти земли довольно сильно различались: по роли в экономике метрополии, по степени интеграции в хозяйственные связи, по тому символическому значению, которое Мадрид им придавал.

Наиболее идеологически значимой колонией были марокканские земли. Их полное название – Испанский протекторат Марокко. Это было совместное владение Парижа и Мадрида. Испанская часть состояла из двух не связанных между собой территорий. На севере это был регион, расположившийся вдоль средиземноморского побережья и охватывающий небольшую часть атлантического берега с административным центром в городе Тетуан. В него не входили испанские города Сеута и Мелилья, которые принадлежали Испании с XV–XVI вв., а также Танжер. Он являлся международной зоной и находился под общим управлением Франции, Испании и Великобритании. Южная часть Протектората неофициально называлась Мыс Хуби. Административным центром был город Вилья-Бенс (современное название – Тарфая).

Испания с момента окончания Реконквисты в конце XV в. пыталась обосноваться на севере Африки для борьбы с пиратами, но смогла лишь установить контроль над различными опорными пунктами на побережье [Lacomba Vázquez 2005, p. 186]. Только во второй половине XIX в. страна начала предпринимать попытки настоящей колонизации этой части континента [Togoges Sánchez 2017]. Это вылилось в испано-марокканскую войну 1859–1860 гг.

(в испанской историографии также известную как Африканская война), которая закончилась победой Мадрида. Марокко признало испанские анклав на своем побережье: Сеуту, Мелилью и ряд других небольших островов и полуостровов [Albi de la Cuesta 2018]. Но самостоятельно установить власть над севером страны Испании оказалось не под силу. Ей удалось этого добиться лишь благодаря поддержке других европейских государств.

В 1906 г. в испанском городе Альхесирас была созвана международная конференция. Она должна была разрешить Первый марокканский кризис, вызванный стремлением Германии установить контроль над этой африканской страной. Ее проведение стало одним из первых случаев, когда Россия проявила живой интерес к испанским колониальным вопросам в этой части света. Так как в конфликте участвовали великие европейские державы, Санкт-Петербург пристально следил за происходящим. Об этом свидетельствуют донесения и телеграммы, полученные председателем Комитета министров Сергея Юльевича Витте от разных агентов [Письмо Ламздорфа]. Россия активно участвовала в этом мероприятии, поддерживая своего союзника Францию [Телеграмма Витте; Зайцев, Ковалев 2022]. На конференции Париж добивался получения протектората над Марокко для себя и для Испании, и таким образом Санкт-Петербург заодно поддерживал и претензии Мадрида. По итогам конференции Франция, а с ней и Испания, добились своего [Togge del Río 2007]. После этого колониальные притязания Мадрида надолго исчезают из внешнеполитической повестки России.

В 1912 г. по Фесскому договору Париж и Мадрид окончательно разграничили зоны контроля в Марокко. Франция получила самую большую часть – центральную, а Испания – северную и южную зоны. При этом до появления Протектората южные территории формально не являлись частью Марокко, так как еще в конце XVIII в. султан признал, что его власть на эти земли не распространяется [Martínez Milán 2003]. В 1912 г. началась оккупация северной зоны. Южная была занята испанскими частями лишь в 1916 г.

Несмотря на то, что формально Мадрид установил протекторат, полного контроля над полученными территориями ему добиться не удалось. Восстания и акты неповиновения продолжались все 1910-е годы и в конце концов вылились в полномасштабную войну, которая получила название Рифской. В ходе нее испанцам пришлось воевать против повстанцев, возглавляемых Абд аль-Кримом. Победить их удалось лишь к 1926 г. [Madariaga Alvarez-Prida 1999], но и после этого ситуация в регионе оставалась беспокойной. Именно поэтому части, расквартированные в Марокко, считались наиболее боеспособными войсками испанской армии. И то, что во время восстания 1936 г. они первыми перешли на сторону националистов, дало мятежникам огромное преимущество.

Параллельно происходило освоение и других испанских владений в Северной Африке: Испанской Сахары (современная Западная Сахара) и Ифни (небольшой анклав на атлантическом побережье напротив Канарских островов). Эти территории имели для Мадрида намного меньшее значение, чем Испанский протекторат Марокко. Они не играли такой роли в идеологическом дискурсе франкизма, как марокканские земли, и с ними не было особой ностальгической связи у военных. Территории эти были еще более бедными и малонаселенными, чем те, которые образовывали Протекторат. Тем не менее контроль над Испанской Сахарой и Ифни определялся их стратегическим и отчасти экономическим значением.

Колонизация этих территорий началась довольно поздно. На территорию Сахары испанцы начали проникать в конце 1870-х годов, устраивая там фактории и удобные стоянки для рыболовецких судов, базировавшихся на Канарских островах. В 1884 г. был провозглашен протекторат над этими землями, и с этого момента на побережье начали появляться испанские поселения. Окончательно границы владения были определены рядом договоров с Францией в начале XX в. Фактический контроль над всеми полученными территориями был установлен еще позже. Испанские войска и колониальная администрация охватили всю зону Испанской Сахары лишь к 1920 г. – до этого они находились в основном в прибрежных населенных пунктах [Salom Costa 2003].

Еще позднее испанцы появились в Ифни. Обоснованием претензий на владение этим небольшим анклавом служило то, что еще в середине XV в. там существовало небольшое испанское поселение Санта-Крус-де-Мар-Пекенья (Santa Cruz de Mar Pequeña), которое в 1524 г. было оставлено под натиском местных племен. В XVIII в. об этом эпизоде испанской экспансии вспомнили, и возвращение утраченных земель на западном побережье Марокко стало своеобразным лейтмотивом для внешней политики. Вернуть эти территории мешало противодействие местного населения, других европейских держав, а также внутренние неурядицы [Gil Pérez, Garrido Guijarro 2015]. Лишь в 1860 г. после испано-марокканской войны удалось добиться от султана признания испанских прав на земли вокруг Санта-Крус-де-Мар-Пекенья. Так как никто не знал, где было это поселение, определение его точного местоположения оставили на потом. К концу XIX в. испанские ученые сошлись на том, что оно находилось где-то в районе Ифни [Pérez García 2003]. Испанские войска появились там лишь во времена Второй Республики в 1934 г. [Martínez Milán 2011].

В годы гражданской войны Марокко стало надежным тылом для восставших, так как именно там им удалось сразу установить полный контроль. Мятежникам довольно быстро удалось достичь взаимопонимания с местным населением. Представителям марокканской элиты обещали соблюдать все прежние договоренности. Более того, назначенный националистами высший

комиссар Хуан Луис Бейгбедер (Juan Luis Beigbeder) стремился демонстрировать уважение к местным традициям и порядкам. Он распорядился объявить четыре мусульманских праздника официальными выходными, зарезервировал 75% административных мест за марокканцами. Не скупились испанская администрация на почести и награды, как символические, так и денежные, для местной элиты [Fleming 1983]. Тех, кого это не убеждало, отправляли в тюрьму или расстреливали, однако таких было немного. В результате республиканские попытки поднять восстание в Протекторате, предпринятые Ларго Кабальеро в бытность им главой правительства (4 сентября 1936 – 17 мая 1937), потерпели неудачу [Luna Alonso 2002]. Взаимопониманию между мятежниками и представителями марокканской элиты способствовала и пропаганда восставших. Она рисовала их защитниками веры, в данном случае ислама, от красных атеистов. Отчасти этот образ, а в большей степени – тяжелая экономическая ситуация в Марокко, вызванная неурожаем и безработицей [Aziza 2003], привели к тому, что многие местные жители записывались в армию националистов. По подсчетам историков, за годы войны во франкистских войсках служили в общей сложности около 50 тыс. марокканцев [Benjeloum 2003, p. 57].

После войны Протекторат, особенно северная зона, стал важнейшей для испанских властей колонией. Именно Марокко Мадрид уделял больше всего внимания. В 1940-е годы эта часть владений представлялась одним из немногих символов международного престижа, которые еще оставались у Испании. Орган, который отвечал за заморские владения страны, созданный националистическим правительством, назывался не иначе как Национальная служба Марокко и колоний (Servicio Nacional de Marruecos y Colonias) [La Ley de treinta de enero 1938]. Протекторату уделялось наиболее пристальное внимание в идеологии франкистского режима. Об этом свидетельствуют, в частности, выпуски кинохроники No-Do, которые в обязательном порядке показывали во всех испанских кинотеатрах. Из 96 сюжетов о колониях, вышедших с 1943 (год появления No-Do) по 1959 г., 81 – был посвящен Марокко [Филатов 2020, с. 160].

Франкистская администрация всячески стремилась развивать эти земли. С 1940 г. экономическая политика в Марокко приобрела системный характер [Albet i Mas 2001, p. 342]. В 1941 г. была проведена реформа административного управления, которая должна была способствовать культурному и экономическому развитию данных территорий. В подчинении комиссара была образована делегация по экономике, промышленности и торговле, а также делегация по образованию и культуре. Первоочередной задачей режим считал развитие инфраструктуры, поэтому на общественные работы в Протекторате за несколько лет планировалось потратить 32,6 млн песет [Azzuz Hakim 1952, p. 42]. Эта цифра явно была выше возможностей страны. Несмотря на

это, колонии получали существенные суммы. В первых послевоенных бюджетах количество средств, выделяемых на испанские заморские владения, было сопоставимо с ассигнованиями на образование. С 1941 по 1945 г. колонии получили 2320 млн песет, а министерство образования – 2499 млн [Tafunell Sambola, Carreras i Odriozola 2005, pp. 931, 934].

Несмотря на щедрое финансирование, реализовать все планы развития Протектората оказалось не под силу, по крайней мере в первые годы существования франкистского режима. После гражданской войны экономика Испании находилась в тяжелом состоянии, а Протекторат до 1942 г. переживал период неурожая, вызванных засухой [Salueña 2013]. Из-за этого приходилось думать не о развитии, а о поддержании жизни населения. Для этого вводилось нормированное питание. Одновременно режим пытался как-то улучшить ситуацию в аграрном секторе региона, но больших результатов добиться не удалось. Официальная испанская статистика в 1955 г., подчеркивая благодатную работу Мадрида на управляемых территориях, сообщала, что в сельскохозяйственном обороте находилось около 20% земли Протектората, в то время как в 1941 г. – лишь 7,5%. Историки склонны объяснять такой значительный прогресс первоначальной недооценкой сельхозугодий контролируемых территорий [Gozálvez Pérez 1993–1994, pp. 423–424].

Некоторых успехов в развитии Протектората Мадриду удалось добиться после окончания Второй мировой войны. В условиях глобального конфликта и попыток построить самодостаточную экономику Испания испытывала острую нехватку в ресурсах. Поэтому первоочередной задачей для государства стал поиск полезных ископаемых. В связи с этим в 1942 г. была создана национальная компания Adago. Она специализировалась на геологоразведке. Не менее острой проблемой было и развитие инфраструктуры, необходимой как для перспектив экономической эксплуатации, так и для сохранения военного контроля над территориями. Денег на это франкистский режим не собирался жалеть. В 1946 г. был принят масштабный План экономической переоценки Зоны (Revalorización Económica de la Zona), рассчитанный на 50 лет. Он предполагал создание транспортной инфраструктуры (железные дороги, порты), развитие энергетики, сельского хозяйства (иригационные работы), высадку деревьев. О ходе его реализации информировали непосредственно Франко [Informe de la Alta Comisaría de España en Marruecos]. План был разбит на пятилетние этапы, из которых до предоставления независимости Марокко полностью осуществить удалось лишь два [Salueña 2013, pp. 101–102].

Большую роль режим уделял и культурному развитию Протектората. Еще в 1940 г. была принята обширная программа по развитию образования для марокканцев, которая в силу экономических трудностей не была выполнена в полном объеме. Тем не менее она позволяла режиму объявлять себя защитником интересов местного населения в противовес французам, кото-

рые, согласно франкистской пропаганде, заботились лишь о создании системы образования для европейцев [González González 2013, p. 355]. На протяжении первого франкизма подчеркнуто дружественное отношение к марокканской культуре и религии было важным аспектом колониальной политики государства. Официальный нарратив режима делал акцент на историческом характере близости двух народов, особо отмечая наследие Аль-Андалуса [González González 2007]. Обычным стало использование словосочетания «испано-марокканское братство» [Mateo Dieste 2003]. Для укрепления этой идеи еще в 1937 г. был создан Халифатский институт марокканских исследований имени Мулая Хасана (Instituto Jalifiano Muley el Hassan de Estudios Marroquíes). Он, согласно учредительным документам, должен был служить центром изучения исламской культуры, способствовать ее возрождению и развитию, а также помогать связывать ее с культурой испанской. Директором назначали лидера происпанской националистической партии «Марокканское единство» Мекки Насири.

Более дружественная политика по отношению к арабской культуре, которую проводила Испания в своей зоне Марокко, контрастировала с действиями Франции. Благодаря этому Мадрид в годы после окончания Второй мировой войны старался преподнести себя защитником не только марокканской, но и всей арабской культуры. Это должно было обеспечить ему поддержку среди арабских стран, которые в связи с началом процесса деколонизации одними из первых среди европейских колоний начали получать независимость. Для франкистского режима, оказавшегося после 1945 г. в международной изоляции, эта поддержка имела огромное значение, так как позволяла компенсировать отсутствие нормальных отношений с традиционными испанскими партнерами: странами Европы и США. Политика в Протекторате должна была быть своеобразной витриной для арабских стран [Algora Weber 1993]. Особая роль в этом отводилась Египту, где существовал Дом Марокко в Каире (Casa de Marruecos en El Cairo, Bayt al-Magrib). Он отвечал за обмен студентами и учеными между арабскими землями [González González 2012].

Несмотря на то, что режим в Испанском Марокко был дружелюбнее к местному населению в сравнении с французским – или, по крайней мере, стремился преподнести себя таким – он оставался колониальным. Хотя марокканцы допускались до управления на низовом уровне, реальным руководством территориями занимались представители метрополии, что не могло не вызывать недовольства. Испанская администрация времен первого франкизма показала себя способной держать ситуацию под контролем, не допуская развития опасных сценариев. Тем не менее необходимо отметить, что протекторат над Марокко осуществлялся совместно двумя странами. Испанское присутствие в Марокко продолжалось не только благодаря способностям Мадрида, но и в значительно большей степени – благодаря возможностям

Франции сохранять контроль над своей зоной протектората. Париж, обладая большими ресурсами (военными и материальными), в этой ситуации играл ведущую роль. К тому же именно во французской зоне располагалась резиденция султана – формального правителя Марокко. Испания пыталась дистанцироваться от Франции, проводить независимую политику, выставлять халифа самостоятельным правителем, а не наместником султана, но из этого ничего не получилось [Ybarrá Enríquez de la Orden 1998]. Мадриду не нравилось его ведомое положение, особенно когда Париж предпринимал какие-либо односторонние действия в отношении Марокко без согласования с Испанией. В послевоенное время напряжение достигло пика, когда Франция свергла султана Мухаммеда V, отправила его вместе с семьей в ссылку на Мадагаскар, а на его место посадила более сговорчивого ставленника. Испанские власти эти изменения не признали, и на их территориях Мухаммед V продолжал считаться правителем Марокко [Madariaga Alvarez-Prida 2007].

Неудивительно, что испанское присутствие в Марокко завершилось именно тогда, когда Франция посчитала, что ей уже не выгодно сохранять контроль над этой страной. Попытки Парижа удержать свою власть, сместив султана Мухаммеда V с престола, окончились провалом. Широчайшая поддержка сосланного правителя со стороны населения вынудила французские власти не просто вернуть его в 1955 г., но предоставить полную независимость стране [Catala 2015]. Об этих планах Испанию уведомили в самый последний момент, что стало для нее неожиданностью. Мадрид не горел желанием оставлять протекторат, который был дорог отчасти из-за имперской ностальгии, отчасти из-за того, что испанский генералитет и сам Франсиско Франко много лет сражались там. Были и аргументы вполне практического характера. На побережье Марокко существовали анклавные территории, самыми крупными из которых были Сеута и Мелилья, которые никогда не были частью протектората. Их Испания не собиралась оставлять, и это грозило в перспективе большими сложностями в отношениях с будущим независимым государством. Марокканские националисты давали понять, что собираются требовать возвращения и этих территорий [Vilar Ramírez 2005, p. 142]. Тем не менее вариантов у франкистского режима не было. Без французов испанцы оставаться не могли. К тому же многолетнее выстраивание дружественных отношений с арабскими странами, поощрение марокканского национализма в пик у французов не оставляли иных выходов, кроме как ухода из своей зоны протектората. Франция предоставила независимость своей зоне 2 марта 1956 г. Испания сделала то же самое через месяц – 7 апреля.

После ухода из Марокко под контролем Испании остался еще ряд территорий. Помимо анклавов на побережье Средиземного моря, Мадрид сохранял управление Испанской Сахарой и Ифни. Эти владения имели для него намно-

го меньшее значение, чем Испанский протекторат Марокко. Они не играли такой роли в идеологическом дискурсе франкизма, как марокканские земли, и с ними не было особой ностальгической связи у военных. Контроль над ними определялся их стратегическим и отчасти экономическим значением.

И Ифни, и Западная Сахара представляли собой бедные, пустынные и полупустынные области с малочисленным населением. В Ифни проблемы были как с водой, так и с коммуникациями. Большие корабли не могли подходить к берегу из-за рифа, выступающего на несколько километров в глубь моря. Присоединение этих территорий в то время имело лишь два смысла, помимо получения международного престижа. Стратегический – обеспечение безопасности Канарского архипелага. Экономический – рыбные ресурсы, которыми богаты прибрежные воды. В первые годы существования франкизма значение этого региона с точки зрения продовольственных ресурсов значительно возросло. Помимо того, что Испания испытывала в 1940-е годы проблемы с продовольствием, традиционные регионы ловли рыбы в Северной Атлантике стали опасны из-за боевых действий.

После окончания Второй мировой войны франкистский режим, оказавшийся в международной изоляции, постарался активизировать освоение этих земель. Произошла реорганизация административной системы управления. Отдельные территориальные единицы Рио де Оро, Сегиет-эль-Хамра, Мыс Хуби (Сектор Тарфая) и Ифни, которые до этого подчинялись Высшему комиссару по Марокко, образовали единую колонию под названием Испанская Западная Африка (*África Occidental Española*) [Decreto de 22 de marzo 1946]. Она получила собственное правительство, находящееся в ведении министерства внутренних дел.

О повышенном внимании к этим владениям свидетельствуют и частые визиты высокопоставленных чиновников. Так, министр промышленности и торговли Хуан Антонио Суансес в период с 1945 по 1951 г. трижды посещал эти территории. В 1950 г. в Ифни и Западную Сахару приезжал сам Франко. Одновременно государство активизировало свою роль в освоении Западной Сахары и прибрежных водных ресурсов. В 1947 г. для ловли рыбы в этом регионе, которой прежде занимались рыбаки с Канарских островов, было создано специальное государственное предприятие *Industrias Pesqueras Africanas, S.A. (IPASA)*. Создание этой компании обуславливалось не только необходимостью эксплуатации водных ресурсов, но и стремлением к повышению уровня жизни населения как в метрополии, так и в самой колонии. В метрополии она должна была облегчить все еще тяжелую ситуацию с продовольствием, в колонии – создать новые рабочие места для местного населения [Mediero 2013, p. 116]. Помимо развития традиционных сфер экономики региона, режим старался найти новые возможности для получения выгоды. Для этого активно происходило освоение территорий. В связи с реализацией по-

литики автаркии начались масштабные вложения в развитие инфраструктуры в Западной Сахаре. Параллельно Мадрид надеялся найти в регионе полезные ископаемые. И в случае с Западной Сахарой испанским властям повезло. Геологи национальной компании Adago в конце 1940-х годов обнаружили в этих землях богатые залежи фосфатов. Примечательно, что, несмотря на повышенный интерес, разработка этих залежей начнется лишь в 1960-х годах компанией Empresa Nacional Minera del Sahara (ENMINSA) [Ballestero 1993, p. 348]. Повидимому это связано с тем, что после ухода из протектората у Испании высвободились ресурсы на освоение других африканских территорий.

Тем не менее предоставление независимости Марокко повлекло за собой и ряд проблем для оставшихся у Испании владений. Марокканские националисты, поддерживаемые султаном, не скрывали, что будут добиваться возвращения и тех африканских территорий, которые Испания сохранила под своим контролем. В первую очередь это касалось анклав Ифни и Южной зоны бывшего испанского протектората. Испанцы остались там после 1956 г., аргументируя это договором 1860 г., по которому султан признавал, что его власть не распространяется на эти владения. Действия Рабата вызывали опасения, поэтому Мадрид после уделял пристальное внимание происходящему в Марокко. Среди докладных записок о бывшей испанской зоне, которые отправлялись Франко [Rafael Alvarez Claro se dirige al Caudillo], есть даже такие сведения, как изменения названий улиц в городах [Telegrama y noticia de O.I.D.].

Самым проблемным стал Ифни, который марокканские националисты, поддерживаемые Рабатом, попытались вернуть силой. Это вылилось в непродолжительную войну Ифни. Она шла с ноября 1957 по декабрь 1958 г. и носила партизанский характер [Aguirre 1993]. Испанские посты вокруг населенного пункта подвергались атакам со стороны Марокканской освободительной армии, которая формально действовала на свой страх и риск и к официальным властям африканского государства отношения не имела. Тем не менее благодаря их действиям непосредственную выгоду получал именно Рабат. Так, бои ускорили передачу ему Южной зоны бывшего протектората, которая перешла под контроль Марокко в 1958 г. [Montoro Obrero 1991, p. 189]. Сам Ифни Мадриду удалось сохранить, но территория анклава значительно сократилась. Испанцы контролировали только город Сиди-Ифни и несколько квадратных километров вокруг него.

В конфликте вокруг испанского анклава впервые упоминается СССР. Вину за беспорядки и нападения на испанские гарнизоны франкистские средства массовой информации возлагали на коммунистов, которые якобы подготавливали марокканских повстанцев. В испанской прессе их связывали непосредственно с «рукой» Москвы [González Sáez 2014, p. 79]. Испанская пропаганда эксплуатировала тот образ, который Советский Союз сам и соз-

давал – образ борца со всеми проявления колониализма. В то же время необходимо отметить, что в 1950-е годы франкистская пропаганда в принципе старалась преподнести все беспорядки, восстания, волнения в мире как часть плана, срежиссированного Советским Союзом [Филатов 2016].

Прямая связь между СССР и марокканскими повстанцами на данный момент документально не подтверждается. В реальности за ними стоял Рабат, который отрицал свое участие в конфликте, а все события представлял как спонтанное восстание местного населения [Pérez García 2006, p. 183]. Москва стремилась поддерживать освободительные движения, но в данном случае это можно было сделать лишь через контакты с правительством Марокко, а дипломатические отношения с Рабатом были установлены только 1 сентября 1958 г. После этого на протяжении 1960-х годов они успешно развивались, хотя и были ограничены идеологическими рамками. Несмотря на то, что советские идеологи относили Марокко к западному лагерю [Жерлицына 2018, с. 58], государство стало важным торговым партнером СССР [Подгорнова 2016, с. 147]. Советский Союз активно поставлял стране оружие, свидетельства о чем сохранились в российских архивах [О Марокко, л. 143]. Этот аспект вызывал проблемы, обсуждение которых отразилось в документах Политбюро ЦК. К советско-марокканскому военному сотрудничеству критически относился Алжир, с которым у Рабата был конфликт [Zoubir 2020]. Нарастивание сотрудничества СССР и Марокко не могло не беспокоить Испанию, так как в 1960-е годы, несмотря на завершение активной фазы конфликта вокруг Ифни, напряженность в отношениях двух стран сохранялась. Рабат продолжал требовать возвращения анклава и, более того, все активнее высказывал претензии на Испанскую Сахару. Марокканские власти заявляли, что эти земли являются колониями, а потому их необходимо освободить. С этим соглашались и в главной международной организации – ООН. Там Ифни и Испанскую Сахару внесли в список самоуправляющихся территорий, о которых владеющие ими государства должны были отчитываться [Santano 2016].

В связи с этим Испания старалась скрыть колониальный статус своих владений, для чего провела реформу, в соответствии с которой ее заморские территории стали провинциями и формально получили равные права с административными единицами метрополии. Эти трансформации, впрочем, никого не обманывали. Международное сообщество в лице ООН продолжало считать эти земли колониями и требовало их освобождения. В 1965 г. на XX генеральной ассамблее ООН была принята резолюция 2072 (XX), которая призывала Испанию как можно быстрее предоставить независимость Сахаре и Ифни. Среди проголосовавших за принятие этой резолюции 100 стран был и СССР. Против выступили только Испания с Португалией [General Assembly, 20th session, p. 226]. В результате анклав был возвращен Марокко в

1969 г. Испанская Сахара оставалась под контролем Мадрида вплоть до конца правления Франко, и Советский Союз последовательно выступал за предоставление ей независимости. Тем не менее в вопросах деколонизации у СССР и Испании были пункты, в которых их позиции сходились: такой точкой сближения стал Гибралтар.

Этот стратегически важный полуостров в одноименном проливе был потерян Мадридом еще в начале XVIII в. в ходе войны за испанское наследство. С тех пор разные испанские правительства периодически возвращались к этой проблеме в стремлении вернуть Гибралтар [Anguita Olmedo 2004]. После Второй мировой войны франкистский режим решил воспользоваться антиколониальным нарративом для того, чтобы в очередной раз заявить свои права на эту часть Пиренейского полуострова. Такую возможность Испания получила после вступления в ООН, так как Лондон не отрицал, что Гибралтар является колонией, и с 1947 г. отчитывался перед ООН о положении на этой территории в соответствии с правилами, установленными для подобных владений [United Nations Charter, ch. 12]. В 1960 г. была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1514-XV). В соответствии с ней Мадрид, казалось бы, получил возможность требовать от Лондона возвращения Гибралтара. Тем не менее в голосовании по этой декларации Испания оказалась в числе 11 воздержавшихся стран. Сдержанность объясняется тем, что у самого Мадрида были владения, которым следовало предоставить независимость. К тому же возникали серьезные опасения насчет того, насколько в реальности возможно этим путем добиться возвращения Гибралтара [Valle Gálvez 2015, p. 503]. Тем не менее испанские представители периодически выступали в ООН с заявлениями о ненормальности положения этого полуострова, при этом не вынося вопрос на рассмотрение организации.

Примечательно, что Гибралтар в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН появился благодаря совместным действиям двух стран, одна из которых находилась в советском блоке. В 1963 г. Болгария и Камбоджа потребовали включить в повестку дня специального комитета по деколонизации (Комитет 24) Генеральной Ассамблеи ООН вопрос об этой части Пиренейского полуострова. Решение этих стран поднять эту проблему, по всей видимости, связано не с отношениями с Испанией, которых официально ни у одной из них не было, а с их политикой в отношении Лондона. В условиях холодной войны Гибралтар был важным стратегическим пунктом, и, в частности, Болгария хотела поднять вопрос размещения на несомоуправляемых территориях военных баз [Remiro Brotóns 2004, p. 137].

Примечательно, что с 1964 г. Гибралтар фигурирует уже и в советских документах. В январе на заседании Президиума ЦК КПСС поднимается соответствующий вопрос. В частности, руководство СССР постановило узнать

мнение испанских коммунистов об этом британском владении [Постановление ЦК КПСС по вопросам работы Комитета, л. 74]. Как следует из указаний, направленных летом 1964 г. советскому представителю в ООН, «испанские друзья» считали полуостров частью своей страны, но передачу его франкистскому режиму не одобряли, так как это бы усилило позиции диктатуры. В результате советскому представителю было рекомендовано воздержаться при голосовании, но сделать заявление об «отторжении Англией Гибралтара от Испании». Одновременно в указаниях подчеркивалось, что Москва сможет в перспективе вернуться к этому вопросу [Постановление ЦК КПСС по вопросу о позиции Советского Союза, л. 70]. Впоследствии советские представители следовали этой линии. Так, на Генеральной Ассамблее ООН 1965 г., когда принималась резолюция по поводу Гибралтара (2070-XX), СССР был в числе других 11 стран, воздержавшихся при голосовании. Этой же позиции Москва придерживалась и в следующем году в ходе голосования по резолюции [General Assembly, 21st session: 1500th plenary meeting], призывавшей продолжить переговоры и ускорить деколонизацию Гибралтара [Question of Gibraltar 1969].

С 1967 г. наметилось изменение позиции Москвы. Советский Союз поддержал резолюцию [Question of Gibraltar. Resolution 1969], осуждающую проведение Великобританией референдума в Гибралтаре и в очередной раз призывающую к его скорейшей деколонизации [General Assembly, 22nd session: 1641st plenary meeting]. Через год Москва проголосовала за, возможно, один из самых жестких документов, принятых ООН по британскому владению на Пиренейском полуострове [General Assembly, 23rd session: 1747th plenary meeting]. В резолюции 1968 г. от Великобритании просили прекратить колониальное положение Гибралтара не позднее 1 октября 1969 г. и немедленно начать переговоры с Мадридом по его статусу [Question of Gibraltar 1969].

Позиция Советского Союза не осталась незамеченной испанским правительством. В конце 1960-х годов через различные каналы представители Мадрида благодарили Москву за поддержку в вопросе Гибралтара. Так, во время поездки специализированной туристской группы ССОД в Испанию официальные представители испанского министерства иностранных дел передавали благодарности советскому руководству [Отчет о поездке в Испанию, л. 53].

Такой поворот в советской позиции некоторые исследователи объясняют стремлением нейтрализовать военный потенциал этой колонии. Испания не была членом НАТО, и потеря этого полуострова могла бы ослабить если не весь блок, то, по крайней мере, одного из его ведущих членов [Yányshev-Nésterova, Luxán Meléndez 2021, p. 5]. В то же время нельзя исключать, что смена позиции по Гибралтару связана и с активизацией отношений с Испанией в самом конце 1960-х годов. В первую очередь это касалось расширения

сотрудничества в рыболовстве и захода советских судов в испанские порты. Переговоры о доступе кораблей СССР в испанские гавани прошли в начале февраля 1967 г. [О переговорах с представителем министерства] – за несколько месяцев до принятия резолюции ООН по Гибралтару, которую советский представитель поддержал. В начале 1969 г. шли переговоры уже о развитии отношений в вопросах рыболовства, и Гибралтар оказался одной из обсуждавшихся тем. Испанская сторона хотела включить в соглашение пункт, по которому советские корабли не должны заходить в этот порт, Москва же в принципе не хотела упоминать это британское владение. В результате компромисса было решено указать в договоре, что советская сторона «будет поощрять использование испанских портов» [Отчет о командировании делегации, л. 20]. Подписание этого договора стало важной частью программы развития советского судоходства и рыболовства во второй половине 1960-х годов. Таким образом, Гибралтар оказался одним из пунктов, где интересы Испании и Советского Союза в колониальных вопросах совпадали.

Проблема деколонизации стала одним из эпизодов испано-российских отношений в XX в. Россия, еще будучи империей, поучаствовала в процессе установления Испанией протектората над частью Марокко. В дальнейшем позиции стран по колониальным вопросам скорее противоречили друг другу. Во времена франкизма Испания по идеологическим и экономическим причинам стремилась сохранить свои владения. С одной стороны, они служили некоторым символом значения страны на международной арене. С другой стороны, в первые 20 лет своего существования франкистский режим пытался использовать их как сырьевую базу в условиях политики опоры на собственные силы. Процесс деколонизации, начавшийся после Второй мировой войны, не мог не затронуть колониальные владения Испании. Мадрид с волнением смотрел на национально-освободительное движение и не торопился предоставлять независимость своим заморским территориям. СССР традиционно выступал против империализма, и неудивительно, что процесс деколонизации стал еще одним проблемным вопросом в отношениях двух стран. Тем не менее деколонизация в случае Испании создавала и точки сближения. В первую очередь это касалось Гибралтара, который Мадрид пытался вернуть на основании резолюций ООН, требующих от Лондона оставить его. В этом Испания нашла поддержку со стороны Советского Союза. Москва стремилась ослабить влияние Великобритании в регионе, а также улучшить позиции для своего рыболовного флота, который теперь мог пользоваться испанскими портами.

Библиография

Грозная Е.А. Политика Советского Союза в отношении Испании 1963–1991 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург. 2004. 285 с.

- Жерлицына Н.А. Идеологический фактор в отношениях СССР со странами Магриба в 1950–1980 гг. // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 58–65.
- Зайцев М.В., Ковалев М.В. Государственная и общественная деятельность В.Н. Коковцова. Документальная монография. СПб.: Нестор-История, 2022. 280 с.
- Отчет о командировании делегации Министерства морского флота в Испанию с 4 по 14 февраля 1969 года // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 20.
- Отчет о поездке в Испанию специализированной туристской группы ССОД // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 53.
- О переговорах с представителем министерства морского торгового флота Испании // РГАНИ. Ф. 3 Оп. 68. Д. 374. Л. 123–130.
- Письмо Ламздорфа В.Н. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 863. Л. 16.
- Подгорнова Н.П. Страны Магриба в поисках оптимального пути развития. М.: Институт Ближнего Востока, 2016. 234 с.
- Постановление ЦК КПСС по вопросам работы Комитета 24-х государств // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 406. Л. 74.
- Постановление ЦК КПСС по вопросу о позиции Советского Союза в Комитете 24-х государств (вопрос о Гибралтаре) // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 491. Л. 70.
- О Марокко // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 710. Л. 143.
- Сагомоян А.А. Испанский узел холодной войны. М.: РОССПЭН, 2004. 272 с.
- Телеграмма (ответная) Витте С.Ю. Коковцову В.Н. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 855. Л. 14.
- Филатов Г.А. Поездки советских специализированных туристических групп в Испанию в 1980-х гг. // Латиноамериканский исторический альманах. 2018. № 20. С. 358–375.
- Филатов Г.А. Идея превосходства в колониальном дискурсе первого франкизма (1939–1959 годы) в выпусках кинохроники Но-До // Новая и новейшая история. 2020. Вып. 6. С. 155–166.
- Филатов Г.А. Эволюция официальной идеологии франкизма: 1939–1975 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016. 230 с.
- Чечкин Д.А. Франкистская Испания и Советский Союз: зарождение и эволюция двусторонних отношений // Национальные приоритеты России. 2009. № 1. С. 52–63.
- Aguirre J.R. D. La última guerra colonial de España: Ifni-Sáhara (1957–1958). Málaga: Algazara, 1993. 334 p.
- Albet i Mas A. La ordenación del territorio en el Protectorado español en Marruecos // Aldaba: revista del Centro Asociado a la UNED de Melilla. 2001. № 31. Pp. 341–358.
- Albi de la Cuesta J. ¡Españoles, a Marruecos!: La Guerra de África 1859–1860. Madrid: Desperta Ferro, 2018. 416 p.
- Algora Weber M.D. La «cuestión española»: causa y efecto de las relaciones hispano-árabes en el marco internacional // Mélanges de la Casa de Velázquez. 1993. № 29–3. Pp. 281–305.
- Anguita Olmedo C. La cuestión de Gibraltar: orígenes del conflicto y propuestas de restitución (1704–1900). Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2004. 766 p.
- Aziza M. La sociedad rifeña frente al Protectorado español de Marruecos, 1912–1956. Barcelona: Bellaterra, 2003. 279 p.
- Azzuz Hakim M.A. Planes de revalorización económica de la zona jalifiana de Marruecos // Cuadernos de estudios africanos. 1952. № 18. Pp. 39–50.
- Ballester A. Juan Antonio suanzes, 1891–1977: la política industrial de la posguerra. Madrid: LID, 1993. 423 p.
- Benjeloum A. Las causas de la participación de los marroquíes en la guerra civil española (1936–1939) // Marroquíes en la Guerra Civil española : campos equívocos / Coord. por González Alcantud J.A. Anthropos: Diputación Provincial de Granada, 2003. Pp. 42–57.

La Ley de treinta de enero último al reorganizar los Servicios Centrales de la Administración del Estado. Boletín oficial del estado (BOE). 10.02.1938. № 477. Pp. 5707.

Decreto de 22 de marzo de 1946 por el que se dispone la división del litoral de los Territorios españoles de Soberanía de Marruecos, de África Occidental y la Guinea e islas adyacentes, en provincias y Distritos Marítimos. Boletín oficial del estado (BOE). 22.03.1946. № 94. P. 2555.

Catala M. La France, l'Espagne et l'indépendance du Maroc: 1951–1958. Paris: Indes savantes, 2015. 320 p.

Centenera Ulecia J. La transición exterior española y la larga mano de Moscú. Madrid: Quinquerreme S.L., 2013. 483 p.

Filatov G. La visita del grupo especial de «turistas soviéticos» a España en el año 1969 en el contexto de las relaciones URSS-España durante el tardofranquismo // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2016. Vol 38. Pp. 161–183.

Fleming S.E. Spanish Morocco and the Alzamiento Nacional, 1936–1939: The Military, Economic and Political Mobilization of a Protectorate // Journal of Contemporary History. 1983. Vol. 18. № 1. Pp. 35–37.

Informe de la Alta Comisaría de España en Marruecos // AFNFF. 25744. P. 1–6.

Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Tesis doctoral, Universidad de Murcia, 2006.

General Assembly, 20th session: 1398th plenary meeting, Thursday, 16 December 1965, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/728511?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

General Assembly, 21st session: 1500th plenary meeting, Tuesday, 20 December 1966, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1970. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/735373?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

General Assembly, 22nd session: 1641st plenary meeting, Tuesday, 19 December 1967, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/742767?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

General Assembly, 23rd session: 1747th plenary meeting, Wednesday, 18 December 1968, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/750141?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

Gil Pérez J., Garrido Guijarro O. Santa Cruz de Mar Pequeña-Ifni en las relaciones hispanomarroquíes / Santa Cruz de Mar Pequeña-Ifni in the relations between Spain and Morocco // Anuario de Estudios Atlánticos. 2015. № 61. URL: <http://anuariosatlanticos.casadecolon.com/index.php/aea/article/view/9301> (дата обращения: 26.08.2022).

González González I. La hermandad hispano-árabe en la política cultural del franquismo, 1936–1956 // Anales de Historia Contemporánea. 2007. № 23. Pp. 183–198.

González González I. La política cultural de España en Egipto durante los años del Franquismo // No es país para jóvenes. Ibarra Aguirregabiria A. (coord. por). Vitoria-Gasteiz: Universidad del País Vasco, 2012. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4716470> (дата обращения: 26.08.2022).

González González I. Educación, cultura y ejército: aliados de la política colonial en el norte de Marruecos // Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 341–361.

González Sáez J.M. Ifni en el No-Do (1943–1969) // Revista internacional de Historia de la Comunicación. 2014. № 2. Pp. 62–85.

González Pérez V. Notas sobre la colonización agrícola en el protectorado de España en Marruecos // Sharq Al-Andalus: Estudios mudéjares y moriscos. 1993–1994. № 10–11. Pp. 423–424.

- Lacomba Vázquez J. La eterna frontera del sur. Cartografía de los encuentros y desencuentros entre España y Marruecos // *Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història*. 2005. № 55. P. 181–194.
- Luna Alonso M.A. La misión de Carlos Baraibar en Marruecos durante la guerra civil // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 2002. № 15. Pp. 391–406.
- Madariaga Alvarez-Prida M.R. España y el Rif: crónica de una historia casi olvidada. Melilla: UNED-Centro Asociado de Melilla, 1999. 535 p.
- Madariaga Alvarez-Prida M.R. El Protectorado Español en Marruecos: algunos rasgos distintivos y su proyección en el presente // *Anales de Historia Contemporánea*. 2007. № 23. Pp. 179–180.
- Martínez Milán J.M. España en el Sáhara occidental y en la zona sur del protectorado en Marruecos, 1885–1945. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia – UNED, 2003. 400 p.
- Martínez Milán J.M. Sidi Ifni en el contexto del colonialismo español en el sur de Marruecos, 1912–1956 // *Hesperis Tamuda*. 2011. № 46. Pp. 39–64.
- Mateo Dieste J.L. La «hermandad» hispano-marroquí. Política y religión bajo el Protectorado español en Marruecos (1912–1956). Barcelona: Bellaterra, 2003. 507 p.
- Mediero B.A. La búsqueda del Dorado en el Sahara. Intereses, colonización y proceso migratorio de los canarios. Tesis doctoral, 2013. 721 p.
- Montoro Obrero G. La retrocesión de Tarfaya e Ifni // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 1991. № 4. Pp. 181–190.
- Pereira Castañares J.C. España y la U.R.S.S. en una Europa en transformación // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 1993. № 15. Pp. 189–206.
- Pérez García G. La falacia histórica sobre la colonia de Ifni // *Historia y comunicación social*. 2003. № 8. Pp. 207–222.
- Pérez García G. La guerra de Ifni y la falsa culpabilización al comunismo internacional por parte del régimen franquista // *Zer: Revista de estudios de comunicación*. 2006. № 20. Pp. 179–196.
- Question of Gibraltar. Resolution 2231 (XXI) // UN. Digital Library. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/203289?ln=en> (дата обращения: 26.08.2022).
- Question of Gibraltar. Resolution 2353 (XXII) // UN. Digital Library. 1968. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202992?ln=en> (дата обращения: 26.08.2022).
- Question of Gibraltar. Resolution 2429 (XXIII) // UN. Digital Library. 1969. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202696?ln=en> (дата обращения: 26.08.2022).
- Rafael Alvarez Claro se dirige al Caudillo en un escrito // *AFNFF*. 21905. P. 2.
- Remiro Brotóns A. Regreso a Gibraltar: acuerdos y desacuerdos hispano-británico // *Revista jurídica Universidad Autónoma de Madrid*. 2004. № 10. Pp. 133–181.
- Santano A.S. El papel de la ONU en las descolonizaciones tardías del Sáhara Occidental y Timor Leste 1974–1976. Tesis. Doct. 2016. 345 p.
- Salom Costa J. Los orígenes coloniales del Sáhara Occidental en el marco de la política española // *Cuadernos de historia contemporánea*. 2003. № Extra 1. Pp. 247–272.
- Salueña J.A. La economía del Protectorado español en Marruecos y su coste para España // *Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1*. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 83–107.
- Shneidman L.J. *Eastern Europe and Soviet Union* // Ed. by Cortada J. *Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978*. Westport: Praeger, 1980. Pp. 155–183.
- Suarez Fernandez L. Franco y la URSS: la diplomacia secreta (1946–1970). Madrid: Rialp, 1986. 317 p.
- Tafunell Sambola X., Carreras i Odriozola A. *Estadísticas históricas de España: siglo XIX–XX*. Bilbao: Fundación BBVA, 2005. 1440 p.
- Telegrama y noticia de O.I.D. // *AFNFF*. 3492. P. 1.

Togores Sánchez L.E. O'Donnell y la política de prestigio de la Unión Liberal en la Europa de su tiempo // *Revista de historia militar*. 2017. № Extra 2. Pp. 123–158.

Torre del Río R.D. L. Preparando la Conferencia de Algeciras: el acuerdo hispano francés de 1 de septiembre de 1905 sobre Marruecos // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2007. № extra 1. Pp. 313–320.

United Nations Charter. Ch. 12 // UN. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 26.08.2022).

Valle Gálvez J.A. Gibraltar en las resoluciones y decisiones de la Asamblea General de la ONU, 1965–2015. Algunas valoraciones // *Coord. por Quintero A., Pons Rafols X. Las Naciones Unidas desde España: 70 aniversario de las Naciones Unidas: 60 aniversario del ingreso de España en las Naciones Unidas*. Madrid: Asociación para las Naciones Unidas en España, 2015. Pp. 501–518.

Vilar Ramírez J.B. Franquismo y descolonización española en África // *Historia contemporánea*. 2005. № 30. Pp. 129–158.

Yányshev-Nésterova I., Luxán Meléndez S. Sovhispan: a collaboration model between Spain and the USSR in the Canary Islands (1967–1991) // *Investigaciones de Historia Económica*. 2021. Vol. 17, № 3. Pp. 1–13.

Ybarra Enríquez de la Orden M.C. España y la descolonización del Magreb: rivalidad hispano-francesa en Marruecos (1951–1961). Madrid: UNED, 1998. 420 p.

Zoubir Y.H. The Algerian-Moroccan Rivalry: Constructing the Imagined Enemy // *Eds. by Mansour I., Thompson W.R. Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa*. Georgetown: Georgetown University Press, 2020. Pp. 179–199.

References

Aguirre J.R. D. La última guerra colonial de España: Ifni-Sáhara (1957–1958). Málaga: Algazara, 1993. 334 p.

Albet i Mas A. La ordenación del territorio en el Protectorado español en Marruecos // *Aldaba: revista del Centro Asociado a la UNED de Melilla*. 2001. N 31. Pp. 341–358.

Albi de la Cuesta J. ¡Españoles, a Marruecos!: La Guerra de África 1859–1860. Madrid: Desperta Ferro, 2018. 416 p.

Algora Weber M.D. La «cuestión española»: causa y efecto de las relaciones hispano-árabes en el marco internacional // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 1993. N 29–3. Pp. 281–305.

Anguita Olmedo C. La cuestión de Gibraltar: orígenes del conflicto y propuestas de restitución (1704–1900). Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2004. 766 p.

Aziza M. La sociedad rifeña frente al Protectorado español de Marruecos, 1912–1956. Barcelona: Bellaterra, 2003. 279 p.

Azzuz Hakim M.A. Planes de revalorización económica de la zona jalifiana de Marruecos // *Cuadernos de estudios africanos*. 1952. N 18. Pp. 39–50.

Ballester A. Juan Antonio suanzes, 1891–1977: la política industrial de la posguerra. Madrid: LID, 1993. 423 p.

Benjeloum A. Las causas de la participación de los marroquíes en la guerra civil española (1936–1939) // *Marroquíes en la Guerra Civil española: campos equívocos* / *Coord. por González Alcantud J.A. Anthropolos: Diputación Provincial de Granada*, 2003. Pp. 42–57.

La Ley de treinta de enero último al reorganizar los Servicios Centrales de la Administración del Estado. *Boletín oficial del estado (BOE)*. 10.02.1938. N 477. Pp. 5707.

Decreto de 22 de marzo de 1946 por el que se dispone la división del litoral de los Territorios españoles de Soberanía de Marruecos, de África Occidental y la Guinea e islas adyacentes, en provincias y Distritos Marítimos. *Boletín oficial del estado (BOE)*. 22.03.1946. N 94. P. 2555.

Catala M. La France, l'Espagne et l'indépendance du Maroc: 1951–1958. Paris: Indes savantes, 2015. 320 p.

Centenera Ulecia J. La transición exterior española y la larga mano de Moscú. Madrid: Quinquerre S.L., 2013. 483 p.

Chechkin D.A. Frankistskaya Ispaniya i Sovetskij Soyuz: zarozhdeniye i evolyutsiya dvustoronnih otnosheniy [Francoist Spain and the Soviet Union: the Birth and Evolution of Bilateral Relations]. Nacional'nye priority Rossii (National Priorities of Russia). 2009. N 1. P. 52–63.

Filatov G. La visita del grupo especial de «turistas soviéticos» a España en el año 1969 en el contexto de las relaciones URSS-España durante el tardofranquismo // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2016. Vol 38. Pp. 161–183.

Filatov G.A. Evolyutsiya ofitsial'noy ideologii frankizma: 1939–1975 gg. [The Evolution of the Official Ideology of Francoism: 1939–1975]. Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD in history thesis]. Moscow, 2016. 230 p.

Filatov G.A. Ideya prevoskhodstva v kolonial'nom diskurse pervogo frankizma (1939–1959) v vypuskah kinohroniki No-Do [Concept of Superiority in the Colonial Discourse of the First Francoism (1939–1959) in the No-Do Newsreels]. Novaya i noveyshaya istoriya (Modern and Contemporary History). 2020. N 6. Pp. 155–166. (In Russ.)

Filatov G.A. Poyezdki sovetskikh spetsializirovannykh turisticheskikh grupp v Ispaniyu v 1980-h gg. [Trips of the Soviet Specialized Tourist Groups to Spain in the 1980s]. Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manah (Latin-American Historical Almanac). 2018. N 20. Pp. 358–375. (In Russ.)

Fleming S.E. Spanish Morocco and the Alzamiento Nacional, 1936–1939: The Military, Economic and Political Mobilization of a Protectorate // Journal of Contemporary History. 1983. Vol. 18. N 1. Pp. 35–37.

Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Tesis doctoral, Universidad de Murcia, 2006.

General Assembly, 20th session: 1398th plenary meeting, Thursday, 16 December 1965, New York // UN. Digital Library. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/728511?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

General Assembly, 21st session: 1500th plenary meeting, Tuesday, 20 December 1966, New York // UN. Digital Library. 1970 URL: <https://digitallibrary.un.org/record/735373?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

General Assembly, 22nd session: 1641st plenary meeting, Tuesday, 19 December 1967, New York // UN. Digital Library. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/742767?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

General Assembly, 23rd session: 1747th plenary meeting, Wednesday, 18 December 1968, New York // UN. Digital Library. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/750141?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

Gil Pérez J., Garrido Guijarro O. Santa Cruz de Mar Pequeña-Ifni en las relaciones hispanomarroquíes // Anuario de Estudios Atlánticos. 2015. N 61. URL: <http://anuariosatlanticos.casadecolon.com/index.php/aea/article/view/9301> (date of access: 26.08.2022).

González González I. La política cultural de España en Egipto durante los años del Franquismo // No es país para jóvenes. Ibarra Aguirregabiria A. (coord. por). Vitoria-Gasteiz: Universidad del País Vasco, 2012. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4716470> (date of access: 26.08.2022).

González González I. Educación, cultura y ejército: aliados de la política colonial en el norte de Marruecos // Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 341–361.

González González I. La hermandad hispano-árabe en la política cultural del franquismo, 1936–1956 // *Anales de Historia Contemporánea*. 2007. N 23. Pp. 183–198.

González Sáez J.M. Ifni en el No-Do (1943–1969) // *Revista internacional de Historia de la Comunicación*. 2014. N 2. Pp. 62–85.

Gozálvez Pérez V. Notas sobre la colonización agrícola en el protectorado de España en Marruecos // *Sharq Al-Andalus: Estudios mudéjares y moriscos*. 1993–1994. N 10–11. Pp. 423–424.

Groznaya E.A. Politika Sovetskogo Soyuza v otnoshenii Ispanii 1963–1991 gg. [Soviet Union's Policy towards Spain]. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD in history thesis]. Yekaterinburg, 2004. 285 p. (In Russ.)

Informe de la Alta Comisaría de España en Marruecos // AFNFF. 25744. P. 1–6.

Lacomba Vázquez J. La eterna frontera del sur. Cartografía de los encuentros y desencuentros entre España y Marruecos // *Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història*. 2005. N 55. P. 181–194.

Luna Alonso M.A. La misión de Carlos Baraibar en Marruecos durante la guerra civil // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 2002. N 15. Pp. 391–406.

Madariaga Alvarez-Prida M.R. España y el Rif: crónica de una historia casi olvidada. Melilla: UNED-Centro Asociado de Melilla, 1999. 535 p.

Madariaga Alvarez-Prida M.R. El Protectorado Español en Marruecos: algunos rasgos distintivos y su proyección en el presente // *Anales de Historia Contemporánea*. 2007. N 23. Pp. 179–180.

Martínez Milán J.M. España en el Sáhara occidental y en la zona sur del protectorado en Marruecos, 1885–1945. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia – UNED, 2003. 400 p.

Martínez Milán J.M. Sidi Ifni en el contexto del colonialismo español en el sur de Marruecos, 1912–1956 // *Hesperis Tamuda*. 2011. N 46. Pp. 39–64.

Mateo Dieste J.L. La «hermandad» hispano-marroquí. Política y religión bajo el Protectorado español en Marruecos (1912–1956). Barcelona: Bellaterra, 2003. 507 p.

Mediero B.A. La búsqueda del Dorado en el Sahara. Intereses, colonización y proceso migratorio de los canarios. Tesis doctoral, 2013. 721 p.

Montoro Obrero G. La retrocesión de Tarfaya e Ifni // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 1991. N 4. Pp. 181–190.

O Marokko [On Morocco]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 16. F. 710. P. 143. (In Russ.)

O peregovorah s predstavitelem ministerstva torgovogo flota Ispanii [On Negotiations with the Representative of the Ministry of the Merchant Marine of Spain]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 68. F. 374. (In Russ.)

Otchet o komandirovanií delegatsii Ministerstva morskogo flota v Ispaniyu s 4 po 14 fevralya 1969 goda [Report. The Ministry of the Maritime Fleet Delegation's Visit to Spain 4–14 February 1969]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 5. Inv. 61. F. 590. P. 20. (In Russ.)

Otchet o poyezdke v Ispaniyu spetsializirovannoy turistskoy gruppy SSOD [Report. Trip to Spain of the Specialized Tourist Group of the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 5. Inv. 61. F. 590. P. 53. (In Russ.)

Pereira Castañares J.C. España y la U.R.S.S. en una Europa en transformación // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 1993. N 15. Pp. 189–206.

Pérez García G. La falacia histórica sobre la colonia de Ifni // *Historia y comunicación social*. 2003. N 8. Pp. 207–222.

Pérez García G. La guerra de Ifni y la falsa culpabilización al comunismo internacional por parte del régimen franquista // *Zer: Revista de estudios de comunicación*. 2006. N 20. Pp. 179–196.

Pismo Lamzdorfa V.N. [V.N. Lamzdorf's Letter]. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1622. Inv. 1. F. 863. (In Russ.)

Podgornova N.P. Strany Magriba v poiskah optimalnogo puti razvitiya [The Maghreb Countries in Search of an Optimal Development Path]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka (Institute of the Middle East), 2016. 234 p. (In Russ.)

Postanovleniye CK KPSS po voprosam raboty Komiteta 24 gosudarstv [The CC CPSU Decree on the Work of the C-24 Committee]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 16. F. 406. P. 74. (In Russ.)

Postanovleniye CK KPSS po voprosu o pozitsii Sovetskogo Soyuz v Komitete 24 gosudarstv (vopros o Gibraltare) [The CC CPSU Decree on the Soviet Union's Position in the C-24 Committee. Gibraltar's Problem]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 16. F. 491. P. 70. (In Russ.)

Question of Gibraltar. Resolution 2231 (XXI) // UN. Digital Library. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/203289?ln=en> (date of access: 26.08.2022).

Question of Gibraltar. Resolution 2353 (XXII) // UN. Digital Library. 1968. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202992?ln=en> (date of access: 26.08.2022).

Question of Gibraltar. Resolution 2429 (XXIII) // UN. Digital Library. 1969. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202696?ln=en> (date of access: 26.08.2022).

Rafael Alvarez Claro se dirige al Caudillo en un escrito // AFNFF. 21905. P. 2.

Remiro Brotóns A. Regreso a Gibraltar: acuerdos y desacuerdos hispano-británico // Revista jurídica Universidad Autónoma de Madrid. 2004. N 10. Pp. 133–181.

Sagomonyan A.A. Ispankiy uzal holodnoy voyny [Spanish Cold War Knot]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 272 p. (In Russ.)

Salom Costa J. Los orígenes coloniales del Sáhara Occidental en el marco de la política española // Cuadernos de historia contemporánea. 2003. N Extra 1. Pp. 247–272.

Salueña J.A. La economía del Protectorado español en Marruecos y su coste para España // Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 83–107.

Santano A.S. El papel de la ONU en las descolonizaciones tardías del Sáhara Occidental y Timor Leste 1974–1976. Tesis. Doct. 2016. 345 p.

Shneidman L.J. Eastern Europe and Soviet Union // Ed. by Cortada J. Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978. Westport: Praeger, 1980. Pp. 155–183.

Suarez Fernandez L. Franco y la URSS: la diplomacia secreta (1946–1970). Madrid: Rialp, 1986. 317 p.

Tafunell Sambola X., Carreras i Odriozola A. Estadísticas históricas de España: siglo XIX–XX. Bilbao: Fundación BBVA, 2005. 1440 p.

Telegrama y noticia de O.I.D. // AFNFF. 3492. P. 1.

Telegramma (otvetnaya) Vitte S.Yu. Kokovtsovu V.N. [Telegram Response of S. Vitte to V.N. Kokovtsev]. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1622. Inv. 1. F. 855. (In Russ.)

Togores Sánchez L.E. O'Donnell y la política de prestigio de la Unión Liberal en la Europa de su tiempo // Revista de historia militar. 2017. N Extra 2. Pp. 123–158.

Torre del Río R.D. L. Preparando la Conferencia de Algeciras: el acuerdo hispano francés de 1 de septiembre de 1905 sobre Marruecos // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2007. N Extra 1. Pp. 313–320.

United Nations Charter. Ch. 12 // UN. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (date of access: 26.08.2022).

Valle Gálvez J.A. Gibraltar en las resoluciones y decisiones de la Asamblea General de la ONU, 1965–2015. Algunas valoraciones // Coord. por Quintero A., Pons Rafols X. Las Naciones Unidas

desde España: 70 aniversario de las Naciones Unidas : 60 aniversario del ingreso de España en las Naciones Unidas. Madrid: Asociación para las Naciones Unidas en España, 2015. Pp. 501–518.

Vilar Ramírez J.B. Franquismo y descolonización española en Africa // *Historia contemporánea*. 2005. N 30. Pp. 129–158.

Yányshev-Nésterova I., Luxán Meléndez S. Sovhispan: a collaboration model between Spain and the USSR in the Canary Islands (1967–1991) // *Investigaciones de Historia Económica*. 2021. Vol. 17, N 3. Pp. 1–13.

Ybarra Enríquez de la Orden M.C. España y la descolonización del Magreb: rivalidad hispano-francesa en Marruecos (1951–1961). Madrid: UNED, 1998. 420 p.

Zaitsev M.V., Kovalev M.V. State and social activities of V.N. Kokovtsov. The Documentary monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 280 p. (In Russ.)

Zherlitsyna N.A. Ideologicheskiy factor v otnosheniyah SSSR so stranami Magriba v 1950–1980 gg. [Ideology in the USSR's Relations with the Maghreb Countries in 1950–1980]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2018. N 2. Pp. 58–65. (In Russ.)

Zoubir Y.H. The Algerian-Moroccan Rivalry: Constructing the Imagined Enemy // Eds. by Mansour I., Thompson W.R. *Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa*. Georgetown: Georgetown University Press, 2020. Pp. 179–199.